
1
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА
МУРЗИЛКА
N 5 Журнал ЦК ВЛКСМ МАЙ
для школьников младших классов 1954

З. АЛЕКСАНДРОВА

МАЙ В МОСКВЕ

Весенней песне подпевай,
Шагай на праздник с нами!
Идём встречать сегодня Май
С флажками и цветами.

Деревья до чего ж хитры, —
Зазеленели к Маю!
Летят воздушные шары.
Куда летят — не знаю.

Ребята песенки поют,
Идут с цветами люди.
Конечно, вечером салют
В Москве сегодня будет.

Весенней песне подпевай,
Шагай на праздник с нами!
Идём встречать сегодня Май
С флажками и цветами.

Рис. О. САВАСТЮКА

В лесу

С. МАРШАК

В лесу над росистой поляной
Кукушка встречала рассвет.
В тиши её голос стеклянный
Звучал, как вопрос и ответ.

И память об этом рассвете
Я в город с собой унесу.
Пускай мне зимою о лете
Напомнит кукушка в лесу.

Припомню я лагерь, палатки
На самой опушке лесной
И птицу, игравшую в прятки
В рассветном тумане со мной.

Рис. В. ЩЕГЛОВА

ЧЕГО БОЯЛСЯ ПЕТЯ?

С. МАРШАК

Темноты боится Петя.
Петя маме говорит:

— Можно, мама, спать при свете?
Пусть всю ночь огонь горит.

Отвечает мама: — Нет! —
Щёлк — и выключила свет.

Стало тихо и темно.
Свежий ветер дул в окно.

В темноте увидел Петя
Человека у стены.
Оказалось на рассвете —
Это куртка и штаны.

Рукавами, как руками,
Куртка двигала слегка,
А штаны плясали сами
От ночного ветерка.

В темноте увидел Петя
Ступу с бабою-ягой.
Оказалось на рассвете —
Это печка с кочергой.

Это печь,
А не яга,
Не нога,
А кочерга!

В темноте увидел Петя:
Сверху смотрит великан.
Оказалось на рассвете —
Это старый чемодан.

Высоко — на крышу шкапа —
Чемодан поставил папа.

На дворе услышал Петя,
Как над ним смеются дети.

И светились два замка
При луне, как два зрачка.

— Нет, — сказал он. — Я не трус.
Темноты я не боюсь!

* * *

Каждый раз при встрече с Петей
Говорят друг другу дети:

— Это Петя Иванов.
Испугался он штанов!

Испугался он яги —
Старой, ржавой кочерги!

С этих пор ни разу Петя
Не ложился спать при свете.
Чемоданы и штаны
Пете больше не страшны.

Да и вам, другие дети,
Спать не следует при свете.
Для того чтоб видеть сны,
Лампы вовсе не нужны!

ПОДАРОК

Глава из повести „Родники"*

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА — *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

Клавдичка, сестра моей матери, прожила с нами всю осень и деятельно участвовала в жизни нашей семьи. Я очень полюбила её. В моей памяти она чем-то неуловимым соединяется с Кондратьевым, отцом моей подружки Дуняши. Мы жили тогда около ткацкой фабрики, где служил мой отец. А дядя Стёпа работал на фабрике ткачом. То, о чём я хочу рассказать, был поступок одного человека, и человеком этим была я.

Однажды Клавдичка спросила у меня:

— Ну вот, мама к Новому году вышьет занавеску. А ты что ей подаришь?

— Попрошу у папы денег и куплю что-нибудь.

— Это не подарок, — сказала Клавдичка.

— Почему?

— В подарок надо вложить свой труд, тогда это будет приятно тому, кому ты даришь.

Труд? Значит, мне будет очень трудно сделать самой этот подарок.

— Это будет очень долго и трудно, — ответила я.

— Но зато интересно.

— А что я могу сделать?

— Всё, что хочешь.

Это меняло дело. Я сразу захотела вышить маме полотенце самым красивым узором на свете. Клавдичка не проявила никакого удивления.

— Выберем рисунок, а материал пойдём и купим вместе. Но прежде всего купим тебе напёрсток.

В первый раз я покупала сама в магазине полотно на полотенце, нитки. Купили и напёрсток с красненьким камушком.

Рисунок выбрала тоже я сама: два мальчика плывут на лодке, один сидит за рулём, другой управляет парусом. И начались первые уроки шитья, которые давала мне Клавдичка.

Уроки проходили всегда без мамы. Я весело сообщала Клавдичке: «Мама уходит!» Это значило, что мы сейчас будем вышивать.

— Вот как хорошо получается! — радуюсь я вышитой мною линии борта и кормы у лодки.

Клавдичка подходит ко мне, наклоняет кудрявую голову, приподнимает и подносит ближе к глазам мою работу.

— Это придётся распороть, — говорит она весёлым тоном, как будто бог весть как интересно распарывать такую прелестную вышивку. — Нет, нет, это же какая-то верёвка лежит, а надо, чтобы была линия, передающая форму лодки. А это что? Топор?

— Да нет же, Клавдичка, — говорю я, называя её так, как зовут мама и отец. — Это руль.

— Зачем же его так зашивать? Пори, друг мой!

И я порю. И снова вышиваю. Скоро полотенце принимает совершенно измятый и грязный вид.

— А всё-таки хорошо, когда человек всё умеет делать, — говорю я, — ни в чём не ошибается, всех слушается и не грубит старшим...

Клавдичка кладёт на стол ножницы, которыми она вырезала из бумаги необыкновенную сквозную салфеточку, и смотрит на меня.

— А ты знаешь таких людей?

Я киваю утвердительно головой.

— Кто же это?

— Мама.

— А-а! — тянет разочарованно, как мне кажется, Клавдичка и после небольшой паузы добавляет осторожно: — Но это те-

* Действие повести происходит до Великой Октябрьской социалистической революции.

перь она такая, а ведь когда она была маленькой, как ты...

Я поднимаю глаза и вижу покрытое оспинками худощавое лицо, ясные, живые, внимательные глаза и в них весёлую, смешливую искорку.

— Когда мама была маленькой, — говорю я убеждённо, — она была всегда послушная, не упрямая...

— Не всегда, — вздыхает Клавдичка. — А насчёт упрямства — ой-ой-ой, как ещё она упрямилась...

Я поражена до глубины души, но что-то в выражении лица Клавдички говорит, что это наверно так и было.

— А почему она упрямилась?

— Ну, потому же, почему и ты. Виновата, а сознаться в своей вине не хочет, вот и упрямится.

Клавдичка замечает впечатление, произведённое ею на меня, и говорит:

— Дело, голубчик мой, в том, что человек тем и чудесен, что, увидев свой недостаток, он борется с ним, преодолевает его, и только тогда из него выходит человек!

Она говорит это таким уверенным, взволнованным и звучным голосом, лицо её освещено, глаза блестят. Я взглядываю на неё и такою запоминаю на всю жизнь.

Выстиранное и выглаженное полотенце приобрело нарядный, новый вид. Пожалуй, никто и не поверит, что это я сама вышивала.

Но мама, и отец, и моя подружка Дуняша поверили и очень восхищались. А скоро я поссорилась с мамой...

Я стояла против неё, опустив голову, и, несмотря на то, что мне давно следовало попросить прощения, не думала этого делать.

— Откуда ты такая упрямая? — спросила меня мама.

— От тебя, — вдруг ответила я.

— Повтори, что ты сказала.

— Да, я от тебя такая упрямая, — сказала я.

— Но я никогда не была упрямой.

— Нет, была, — повторила я с упорным желанием сказать неприятное маме.

Мама молча вопросительно посмотрела на Клавдичку.

— Почему же ты знаешь, что я была упрямой?

— Клавдичка мне сказала, что ты была упрямая... и злая.

И в этот момент всё исчезло: упрямство, злость... Осталось на миг ощущение торжества победы. Потом и оно померкло. Что я сделала?! Я не только передала то, что сказала Клавдичка, а ещё и прибавила слово «злая», которого она совсем не говорила.

Я взглянула на Клавдичку: она укоризненно смотрела на меня, всё лицо её стало красным от возмущения.

— Ну что же, — сказала мне мама, — можешь упрямиться, раз у тебя такой плохой пример в жизни, как собственная мать.

И я поняла, что весь укор этих слов направлен опять-таки мимо меня — на Клавдичку. Это уже не меня ругали.

Подойдя к маме, я сейчас же призналась, что я была виновата, и внешне ссора закончилась. Но дело-то было глубже: ощущение непоправимой вины перед Клавдичкой, говорившей со

мной, как с подружкой, перед Клавдичкой, которую я «выдала», было нестерпимо.

Я сделала один шаг к Клавдичке, другой... Она повернула голову и посмотрела на меня не строго, но с таким сожалением, как будто говорила: так, значит, тебе нельзя довериться, значит, я ошиблась в тебе!

Я повернулась и выбежала из комнаты.

Любимейшим моим местом после нашего дома была комната Кондратьевых. В порыве глубокого и горького раскаяния и унизительного сознания сделанного мною гадкого поступка я кинулась к Дуняше. Это было единственное пристанище. Не только Дуняша любила меня, а и дядя Стёпа: он был строгий, но добрый к нам с Дуняшей человек. Дома теперь любить меня уже не могли.

Я прошла по длинному тёмному коридору фабричного общежития, освещённому через полуоткрытые двери комнат, замечая на ходу то ситцевую, цветами, занавеску, то качавшуюся зыбку, подвешенную у низкого потолка.

Дверь в комнату, где жили Кондратьевы, была закрыта и не сразу поддалась. Она открылась только после крепкого толчка. В комнате никого не было, какая-то непривычная тишина стояла в ней. На большой кровати, покрытой сшитым из лоскутков одеялом, лежал ворох старья и под ним кто-то тяжело дышал.

Я подошла и отвела край ватной куртки: лицо Дуняши, красное, с блестящими глазами, появилось передо мной. Я взяла маленькую её руку, она была горячая и вяло лежала в моей руке.

— Попить бы... — сказала Дуняша.

Я принесла ей воды и уселась возле неё.

В окна маленькой каморки тускло проникал сумеречный свет позднего зимнего дня, и мне было так тяжело и тоскливо, как никогда не бывало раньше. Дуняша, которая непременно «пожалела» бы меня, даже не слышала, когда я окликала её.

Мне и в голову не приходило побежать за мамой, как это я сделала бы раньше.

Внезапно дверь отворилась и вошёл Кондратьев. Это было как раз в то время, когда его после стачки уволили с фабрики. Он искал работу и редко бывал дома. Он снял шапку, пальто, повесил на гвоздь и, стараясь тихо ступать по скрипевшим половицам, подошёл к постели. Наклонившись над Дуняшей, он положил руку ей на лоб, укрыл её поплотнее и сел около меня на табурет.

— Жалеешь Дуняшу? — сказал он, кладя большую свою руку мне на плечо.— Сильно горит она. Уж ты не зря ли пришла, — не дай бог болезнь перекинется? Иди-ка ты домой.

— Не пойду, — искренне и горячо сказала я: сейчас не было мне лучше и милее места, как эта комната и добрый ко мне Кондратьев.

Но он меня понял по-другому. Он сказал ласково:

— Ну ладно, сиди. Дружба, так уж дружба. Не бросаешь подружку, так и надо. Мы с тобой сейчас вместе пойдём: может, мамка твоя лекарства даст.

— Я домой не хочу итти.

— Что так?

— Дома на меня все сердятся.

— За что? Что ты там напроказила?

Глубокое ощущение своей вины, отодвинутое на время беспокойством о больной Дуняше и смягчённое ласковым отношением Кондратьева, возникает с новой силой. Чуть слышно я говорю:

— Я... не напроказила, — и опускаю голову.

— Ну, так это добро! — говорит весело Кондратьев. — Лишь бы сама не делала плохого. Другой раз, милый ты мой человек, бывает так, что маманя напрасно поругает. У неё забот тоже немало, что-нибудь расстроит её, а на тебе отольётся. Ты этого к сердцу не бери, не помни обиды.

— Я плохое сделала, дядя Стёпа, — говорю я, едва решаясь поднять голову, и он пристально смотрит на меня. И вдруг я рассказываю ему всё, что со мной случилось.

Рассказываю, и слёзы капают мне на грудь и на колени.

— Так вот какие дела... — медленно говорит он. — Это ты, и верно, сделала худо. Правду сказать тебе, очень плохой это поступок. Поссоритесь, подерётесь — это малое дело: помирился — и не помнишь. А это штука цепкая, она на совесть ложится. — Глаза Кондратьева снова ласково смотрят в мои глаза. — Больше не будешь так делать?

— Не буду... никогда... — плачу я навзрыд, чувствуя его руку на моём плече, и мне становится всё легче и легче.

В дверь заглядывает мама.

— Ты здесь? Так я и знала. А что это с Дуняшей?

— Горит с ночи, — отвечает, здороваясь, Кондратьев. — Подружка-то без меня забежала, я посылал домой, не пошла.

— Иди, иди домой, — говорит мама.

Мама и Кондратьев склоняются над Дуняшей. Постояв немного, я потихоньку выхожу из комнаты.

Дома я подошла к Клавдичке и хотела сказать ей, что больше так не буду, но язык мой не повиновался мне.

Она спокойно спросила:

— Понимаешь, как может плохо выйти из-за одного слова?

— Понимаю, — сказала я, поднимая голову. — Ты на меня не сердишься?

Так как-то случилось, что я сказала ей «ты», как отцу и маме.

СОВСЕМ КАК В СКАЗКЕ

Г. ГАНЕЙЗЕР — **Рис. В. КОНСТАНТИНОВА**

Ехали мы ночью на санях по березняку. Иногда берёзы расступались, и тогда под полозьями саней мелькали разноцветные мхи и кочки, поросшие пёстрыми цветами и спелыми ягодами. И вдруг видим: над берёзами вдалеке торчат шляпки грибов. Хорошие грибы: подберёзовики, подосиновики... Остановились мы, сорвали грибы и принялись искать ещё. И что же: раздвинешь две-три берёзки — и найдёшь хороший грибок!

Но больше они сами показываются, над берёзами свои шляпки поднимают.

Набрали мы грибов полную корзину. Смотрим на часы: время позднее — за полночь зашло, пора спать ложиться. А солнце вовсю светит и не думает заходить. Как же спать-то? Куры засмеют... Ну, к счастью, кур нигде поблизости нет, не увидят.

Положили мы свои спальные мешки на берёзы, забрались в них с головой, чтобы солнце не светило и комары не кусались, и крепко заснули...

Вы, наверное, думаете, что я сказку рассказала?

Разве грибы над берёзами растут? Разве солнце светит по ночам? Разве на санях по траве ездят?

Если сесть в поезд в Москве и поехать на север, то сначала за окном будут мелькать дремучие леса. Как ни глянешь в окно — всё лес да лес: сосны, берёзы, ели... Надоест смотреть. И вдруг подойдёшь к окну, а за окном равнина зелёная расстилается, и ни одного деревца не видно. Это началась тундра. Она находится далеко на севере.

В тундре очень длинная суровая зима и совсем коротенькое лето. Но лето в тундре особенное: солнце светит и днём и ночью и темноты совсем не бывает. Поэтому-то и приходится ложиться спать при ярком свете солнца. А если будешь темноты дожидаться, то придётся не спать больше двух месяцев!

Деревья в тундре не растут — им слишком холодно, а берёза, про которую я рассказала, — мелкий кустарник. Листики у неё, как копеечки, а иногда ещё и мельче, а стволики стелются по земле. Полярная берёза не дерево, а кустик. Она растёт очень медленно. Березовой веточке в палец толщиной может быть столько же лет, сколько толстому дереву в лесу.

А грибы летом в тундре вырастают настоящие, большие, вот они и поднимаются выше берёзок.

В тундре круглый год ездят на оленях, запряжённых в лёгкие саночки — нарты. Дорог там нет, но зато много кочек и болот. На колёсах по ним не проехать, а маленькие нарты идут легко.

Вот видите, сколько интересного в тундре!..

КВАКША

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

Рис. НИК. ПЛАСТОВА

Жара стояла над землёй уже месяц. Взрослые говорили, что эту жару даже видно.

— Как это можно увидеть жару? — спрашивала всех Таня.

Тане было пять лет, и потому она каждый день узнавала от взрослых много новых интересных вещей. Действительно, можно было поверить дяде Глебу, что «сколько ни проживёшь на свете, хоть триста лет, а всего не узнаешь».

— Пойдём наверх, я тебе покажу жару, — сказал Глеб. — Оттуда лучше видно.

Таня вскарабкалась по крутой лестнице на мезонин. Там было светло и жарко от нагретой крыши. Ветки старого клёна упрямо лезли в окна.

На мезонине был балкон с резными перилами. Глеб показал Тане с балкона на луга и на дальний лес.

— Видишь жёлтый дым? Как от самовара. И весь воздух дрожит. Это и есть жара. Всё можно увидеть человеческим глазом. И жару и холод, что хочешь.

— А холод, когда снег? — спросила Таня.

— Нет. Даже летом можно его увидеть. Вот будут прохладные дни, тогда я тебе покажу, как он выглядит.

— А как?

— Небо вечером бывает зелёное, как мокрая трава. Холодное небо.

Пока же стояла жара, и больше всех от неё страдала маленькая лягушка. Она жила во дворе под кустом бузины.

Двор так раскалялся от солнца, что днём всё живое пряталось. Даже муравьи не решались выбегать из подземных своих муравейников, а терпеливо дожидались вечера. Только одни кузнечики не боялись жары. Чем горячее был день, тем выше они прыгали и громче трещали.

Однажды лягушка нашла щель под дверью в каменный погреб и с тех пор все дни просиживала сонная в погребе, на холодном кирпичном полу.

Когда наша молоденькая родственница Ариша спускалась в погреб за молоком, лягушка прыгала в сторону и пряталась за разбитый цветочный горшок. Ариша каждый раз пронзительно вскрикивала.

По вечерам лягушка вылезала во двор и осторожно пробиралась в тот угол, где

на клумбе распускался к ночи табак и росли астры. Цветы каждый вечер поливали из лейки. Поэтому на клумбе можно было дышать, — от политой земли тянуло сыростью, а с пахучих белых цветов табака падали на голову холодные капли.

Лягушка сидела в темноте, таращила глаза и ждала, когда люди перестанут ходить, разговаривать, звенеть стаканами и, наконец, прикрутят лампы, задуют их и дом сразу сделается тёмным и таинственным.

Тогда можно будет немного попрыгать по клумбе, пожевать листья астр, потрогать уснувшего шмеля, чтобы он не храпел во сне.

А потом прокашляются и закричат по всем дворам петухи и придёт полночь — самое хорошее время. Может быть, даже упадёт роса и в мокрой траве заблестят звёзды. Ночь будет тянуться долго, тихая и прохладная, и в лугах загудит нелюдимая птица выпь.

Дядя Глеб был рыболовом. Каждый вечер он убирал со стола скатерть, осторожно высыпал из разных коробочек бронзовые крючки, круглые свинцовые грузила и прозрачные лески и начинал чинить свои удочки. Тогда Тане не разрешалось подходить к столу, чтобы какой-нибудь «мушиный» крючок не вцепился ей в палец.

Когда Глеб чинил удочки, он всегда напевал одно и то же:

Сидел рыбак весёлый
На берегу реки,
А перед ним по ветру
Качались тростники.

Но в это лето Глебу пришлось туго, — из-за засухи пропали черви.

Даже самые шустрые мальчишки отказывались их копать.

Глеб пришёл в отчаяние и написал на воротах дома огромными белыми буквами:

«Здесь производится скупка червей у населения».

Но это не помогло. Прохожие останавливались, читали надпись, с восхищением качали головами: «Ну и хитрый же человек, чего написал!» — и шли дальше. А на второй день какой-то мальчишка приписал внизу такими же огромными буквами:

«В обмен на картофельное варенье».

Пришлось надпись стереть.

Глеб начал ходить за три километра в овраг, где под кучами щепок можно было накопать за час десятка два червей.

Глеб их берёг, будто эти черви были золотые: перекладывал сырым мхом, завязывал банку с червями марлей и держал её в погребе.

Там-то их и отыскала маленькая лягушка. Она долго трудилась, пока стащила марлю, потом залезла в банку и начала есть червей. Она так увлеклась, что не заметила, как в погреб спустился Глеб. Он вытащил её из банки за задние лапки и вынес во двор. Там Таня кормила злую чёрную курицу.

— Вот! — сказал Глеб грозным голосом. — Человек трудится в поте лица, чтобы нарыть хоть десяток червей, а лягушка их ворует. И даже научилась развязывать марлю. Придётся её проучить.

— Как? — спросила Таня, а курица искоса посмотрела на лягушку прищуренным глазом.

— Отдать её на съедение курице.

Лягушка отчаянно задрыгала лапками, но вырваться ей не удалось. Курица взъерошилась, взлетела и чуть было не вырвала лягушку у Глеба.

— Не смей! — закричала Таня на курицу и заплакала. Курица отбежала в сторону, поджала лапу и стала ждать, что будет дальше.

— Дядя Глеб, зачем же её убивать? Дай её мне!

— Чтобы она опять воровала?

— Нет. Я её посажу в стеклянную банку и буду кормить. Разве тебе самому её не жалко?

— Ну ладно, — согласился Глеб. — Бери, так и быть. Ни за что бы я её не простил, если бы ты не заступилась. И если бы это была обыкновенная лягушка.

— А разве она не обыкновенная? — спросила Таня и перестала плакать.

— А разве ты не видишь? Это древесная лягушка, квакша. Она замечательно предсказывает дождь.

— Вот она нам его и предскажет, — с облегчением вздохнула Таня и скороговоркой повторила слова, которые каждый день слышала от плотника Игната: — Дождик, ой, как нужен! А то хлеба и огороды посохнут, и тогда не миновать беды!

Глеб отдал лягушку Тане. Она посадила её в банку с травой и поставила на подоконник.

— Веточку нужно какую-нибудь засунуть в банку, — посоветовал Глеб.

— Зачем?

— Когда она влезет на веточку и начнёт квакать, значит будет дождь.

А дождя всё не было. Лягушка, сидя в банке, слушала разговоры людей.

Люди очень тревожились оттого, что стояла засуха. Отец Тани — агроном — боялся, как бы не сгорел на корню хлеб. Однажды лягушка видела из своей банки, как Таня стояла за окном около высохшего куста малины, трогала почерневшие, ломкие листья и плакала.

Лягушке очень хотелось сделать для своей спасительницы Тани что-нибудь хорошее и больше всего — накликать дождь. Обыкновенно перед дождём лягушке становилось трудно дышать, она влезала куда-нибудь повыше, на ветку, и начинала квакать. От этого ей делалось легче.

Но сейчас, сколько лягушка ни старалась заставить себя трудно дышать, ничего из этого не получалось.

Лягушка даже похудела от огорчения и, сидя в банке, забивалась в угол и прикрывала глаза.

Но однажды поздней ночью лягушка почувствовала удушье, хотя небо было чистое и горело множество звезд.

Лягушка зашевелилась, поползла вверх по ветке и неуверенно квакнула. Сразу же стало легче дышать.

«Неужели будет дождь?» — подумала лягушка и квакнула громче.

Никто не проснулся. Тогда она квакнула ещё громче, потом ещё и ещё, и вскоре её кваканье заполнило все комнаты, стало слышно в саду, по всей деревне, и в ответ на него сразу всполошились и заорали петухи. Они старались перекричать друг друга, срывали голоса, сипли и снова орали, неистово хлопая крыльями. Они подняли такой гомон, что со сна можно было подумать, будто в деревне пожар.

Тогда в доме все сразу проснулись.

— Что случилось? — спросила Таня спросонок.

— Дождь будет! Дождь! — ответил ей из соседней комнаты отец. — Слышишь, квакша кричит? Верная примета.

Глеб вошёл со свечой в комнату к Тане и посветил на банку с лягушкой.

— Ну, так и есть! — сказал он. — Так я и думал! Квакша влезла на ветку и кричит, надрывается. Даже позеленела от натуги.

Утро пришло безоблачное. Но часам к десяти далеко на западе громыхнул и рассыпался по полям первый гром.

Колхозники вышли на обрыв над рекой и смотрели на запад, прикрыв глаза ладонями. Ребята полезли на крыши. Ариша начала подставлять под все водосточные трубы лоханки и вёдра. Отец Тани каждую минуту выходил во двор, смотрел на небо, прислушивался и всё повторял: «Лишь бы не мимо! Лишь бы захватила нас эта гроза!» Таня ходила следом за ним и тоже прислушивалась.

Гром подходил всё ближе. Его раскаты стали торжественнее и шире. На западе поднялась чёрная туча. Глеб спешно собирал свои удочки и смазывал сапоги, — после грозы должен был начаться, по его словам, бешеный клёв.

Потом в воздухе запахло свежестью дождя. Сад тихонько зашумел листвой. Туча придвинулась, и весёлая молния как бы разорвала во всю глубину огромное небо.

Первая капля дождя звонко ударила по железной крыше. Тотчас стало так тихо, будто все прислушивались к этому звуку и, затаив дыхание, ждали второй капли. Сам дождь тоже прислушивался и соображал, правильно ли он уронил эту первую пробную каплю. Помедлив, он решил, что правильно, потому что вдруг сразу сорвался и загрохотал по крыше тысячами капель. За окнами полились-заблестели струи дождя.

Когда грохот дождя по крыше перешёл

в ровный и спокойный гул, Таня выпустила лягушку из банки в свежий и шумный сад. Там трава и листья качались от ударов дождя.

Таня осторожно погладила лягушку по маленькой холодной голове и сказала:

— Ну, спасибо тебе, что накликала дождь! Ты живи теперь спокойно. Тебя никто не тронет.

Лягушка посмотрела на Таню и ничего не ответила. Она не могла выговорить на человеческом языке ни одного слова, а умела только квакать. Но во взгляде её была такая преданность, что Таня ещё раз погладила её по голове.

С тех пор лягушку никто не трогал. Ариша перестала взвизгивать, когда встречалась с ней, а Глеб каждый день откладывал для неё из своей заветной. «червивой» банки несколько лучших червей.

А вокруг густо заколосились хлеба, политые дождём, засверкали от света сырые сады и огороды, запахло буйным укропом. И рыба начала клевать так жадно, что каждый день обрывала у Глеба крючки.

Таня бегала по саду и играла в прятки с лягушкой. Любопытные паучки спускались с веток на невидимых паутинках, чтобы узнать, почему в саду столько возни и смеха. Узнав, в чём дело, они успокаивались, сматывали свои паутинки в серые шарики, маленькие, как булавочные головки, и засыпали в тёплой тени листьев.

Е. ДОЛИНОВА

РУЧЕЙКИ

В день весенний и погожий
Два шумливых ручейка
Лезут под ноги прохожим:
«Где река?
Где река?»

Пробежали мимо скверов,
Мчатся к парку пионеров,
Задержались здесь на миг:
«Влево или напрямик?
Где река?
Где река?
Мы бежим издалека».

Отвечает им народ:
«Дальше, милые, вперёд».

Разговаривая звонко,
Мчатся дальше вперегонки...
Вдруг пред ними водоём,
Отразилось солнце в нём.
Подбегают к водоёму
Два весёлых ручейка.
Говорит один другому:
«Это вовсе не река.
Попадёшь сюда на горе,
Не увидишь сине море.
Здесь стоячая вода,
Мне не хочется сюда».

Оба в сторону метнулись
И... нечаянно столкнулись
И слились в один ручей.
Стал он больше и бойчей!
И опять бегут вперёд.
Вправо, влево поворот...
Вдруг навстречу выбегает
Ручеёк из-под ворот.
«Где река?
Где река?» —
Слышен голос ручейка.

«Сами ищем!
Сами ищем!
Не нашли ещё пока.
Слейся с нами, так втроём
Мы её быстрей найдём!»

Вместе наши ручейки
Мчатся к берегу реки,
Трое, все в одном потоке,
Словно давние дружки.
«Разыскали, пострелята?» —
Улыбается река.
И нырнули вглубь куда-то
Три весёлых ручейка,
И другие мчатся с кручи,
Чтобы стать рекой могучей!

ПЁСТРЫЕ

А. БАРТО
Рис. В. ГОРЯЕВА

ПРО ОДИН КВАРТЕТ

Басню выбрали давно,
Распределили роли.
Решило выступить звено
На утреннике в школе.

Решили девочки прочесть
„Квартет" (такая басня есть).

Светлане роль не подошла:
— Я вовсе не упряма.
Зачем же мне играть осла?
Мне не позволит мама!

Артистки начали шуметь.
Одна кричит: — Она медведь,
А вовсе не мартышка!

Кричит другая: — Чур-чура!
Сказала я ещё вчера:
Я косолапый мишка!

Проходит день, и два денька,
Потом проходят пять, —
На репетицию никак
Артисток не собрать!

Пришёл осёл и сел за стол.
Но нету соловья.
— Ну, если так, — сказал осёл, —
Тогда уйду и я!

Проказница мартышка
Умчалась на каток,
И косолапый мишка,
Схватив своё пальтишко,
Пустился наутёк.

То нет мартышки, то козла
Куда-то тётя увезла,
То мишка косолапый
Ушёл на лыжах с папой.

«Когда в товарищах согласья нет»,
Не прочитать им и „Квартет"!

СТРАНИЦЫ

ТЕЛЕВИЗОР

Наша мама была в гостях и пришла домой расстроенная. Она сказала, что Дима ей там всё настроение испортил. Мой старший брат Дима очень удивился: как же он мог маме настроение испортить, когда его там не было, он в этот вечер в цирке был?

— А всё-таки я тебя видела, — вздохнула мама.

Оказывается, мама в телевизоре передачу из цирка смотрела. Вдруг она увидела нашего Диму, как он сидит в шестом ряду и мороженое ест.

Мама сначала очень обрадовалась: «Вот мой сын! Смотрите, какой он большой вырос, какое у него умное лицо!» Но тут как раз Дима поставил стаканчик с мороженым себе на голову и стал его подкидывать, подражая жонглёру. И все гости засмеялись, а мама чуть от стыда не сгорела. И домой она пришла сама не своя. Но Дима стал уверять, что он не виноват, — он ведь не знал, что его в телевизоре показывают. Если бы его предупредили, он бы себя хорошо вёл!

А мама сказала:

— В том-то и дело, что человек должен так себя вести, чтобы его можно было всегда показывать в телевизоре.

НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ

Одну маленькую девочку спросили:

— Машенька, когда мама даёт тебе конфету, что нужно сказать?

— Дай ещё! — ответила Машенька.

КТО ЖАДНЫЙ?

Однажды соседка подарила мальчику Андрюше красивый карандаш.

Прошло два дня. Сидит Андрюша грустный, вздыхает: рисовать нечем.

— А где же твой карандаш? — удивилась соседка.

— Его Миша взял, мой старший брат. Миша всегда у меня всё отнимает, чтобы у меня жадность не развивалась, — объяснил Андрюша.

2 + 6 = ?

(Шутка)

Четыре года Светику,
Он любит арифметику.

Светик радостную весть
Объявляет всем:

— Если к двум прибавить шесть –
Это будет семь!

Услыхав его слова,
Юра стал считать:

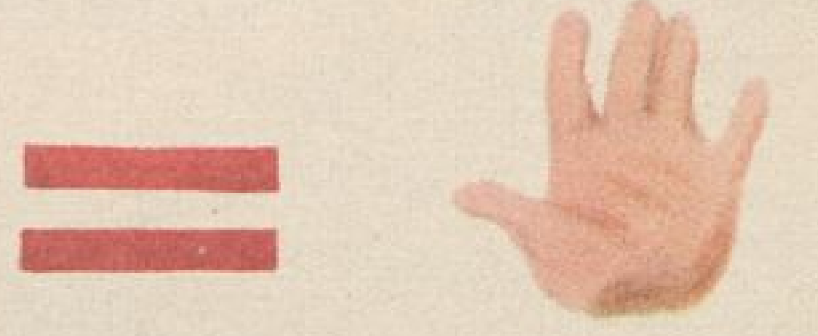
— Нет, к шести прибавить два —
Это будет пять!

Спор горячий начался,
Разделились голоса.

Загибает пальчики
И толстенькая Тая.

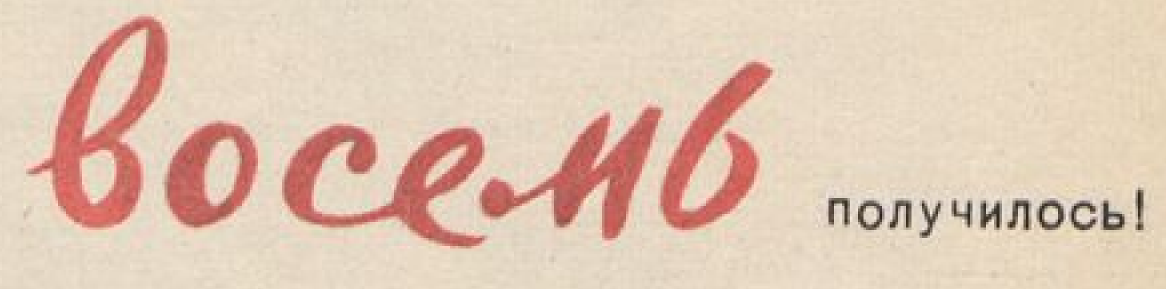
— Не мешайте, мальчики! —
Кричит она считая.

Трудно шесть прибавить к двум!
Не смолкает крик и шум.

Тут как раз, на счастье,
Прибежала Настя.

Настя знает правила,
Два к шести прибавила,
И — скажи на милость! —

получилось!

ЛАТКА

ВИТ. БИАНКИ *Рис. С. БОЙМА*

ЗДРАВСТВУЙ!

Таня сидела на крылечке — смотрела, как солнце тихонько опускается за озеро, покрытое льдом.

Вдруг идёт школьный учитель, а впереди него бежит незнакомая собачка. Таня таких не видела. Ростом невеличка, на коротких ножках, уши до полу, хвост культяпочкой. Сама вся белая, а по спине — чёрные пятна, и над глазом пятно — как заплатка. Увидала Таню — маршмарш к ней на крылечко, села и лапку подаёт: здравствуй, мол!

Учитель подошёл, смеётся:

— Ишь ты, узнала хозяйку! Твоя ведь теперь эта собачка, Танюшка: я её из Ленинграда привёз от твоего дяди Пети. Собачка испанской породы. Вот и письмо к твоей матери.

Мать вышла на крыльцо, поздоровалась с учителем и прочла.

«Дорогая сестра! — писал дядя Петя. — Посылаю тебе собачку. Мне в городе её никак нельзя держать: сам весь день на заводе, вывести погулять её некому. А собачка больно хорошая, учёная, очень породистая, ласковая. Твоей Ташке за товарища будет: вещи разные носить обучена. А летом приеду — на охоту с ней ходить буду. Я охотником решил стать. Вот собачку себе охотничью достал, а к лету соберусь с деньгами, глядишь, и ружьишко себе куплю. А дичь — всю тебе».

— С какого конца ружьё держать ещё не знает, — улыбнулась мать, — а уж дичь дарит, чудак-человек!

Глянула на собачку и руками всплеснула:

— Желанные мои! Экая уродка бесхвостая!

Со всей деревни ребятишки сбежались и ну хохотать:

— Латка! Латка! Заплатка!

А соседские Колька и Толька тут же и дразнилку сложили:

— Ташка, Ташка — простота,
У ней собачка без хвоста,
Уши-то лопатой,
На глазу заплата!

Таня очень обиделась за свою собачку и сразу крепко её полюбила.

НЫРОК

Пришла весна. Лёд на озере стаял, и засияла вода — синяя-синяя!

В первый раз побежала Таня со своей Латкой на берег.

Собачонка с разбегу бух в воду!

Таня кричит:

— Сумасшедшая, куда ты? Вода ледяная, воспаление лёгких получишь!

Куда там! Резвится себе в воде, плавает.

Подошли соседские мальчишки — Коля и Толя. Коля наклонился, поднял камень и кричит:

— На, Латка, на! — Размахнулся да как швырнёт камень в озеро! А Латка — нырк! — и скрылась с глаз.

Таня так и ахнула:

— Утонула моя собачка!

А Латка и не думала тонуть: достала камень со дна, вынырнула, фыркает — плывёт. Вылезла на берег и подаёт Тане добычу.

Мальчишки смеются:

— Ай, собачонка: нырок, настоящий водолаз!

ОХОТА

В конце лета приехал дядя Петя.

— Ну как, — спрашивает, — собачка испанской породы? Понравилась?

— Очень хорошая собачка! — отвечают мать и Таня в один голос. — Прямо умница собачка!

— Вот и чудно. Завтра пойдём с ней на охоту на озеро. С этой породой как раз на уток охота. Я себе и двустволку купил.

Рано утром пришёл учитель, и дядя Петя собрался с ним на охоту. И Таню с собой позвали: дичь помогать нести.

Идут по берегу озера. Латка впереди бежит, за ней дядя Петя с двустволкой

шагает, за ним учитель с одностволкой; позади всех Таня.

Вдруг — шррр! — вылетает из камышей утка.

Дядя Петя — бах! бах! из своей двустволки, учитель — ббах! из своей одностволки. А утка летит себе — и скрылась за лесом. Дядя Петя проводил её глазами, почесал в затылке и говорит:

— Это чирёнок. Больно маленькая утка. И мчится, как сумасшедшая. В такую попасть невозможно.

А Латка сразу после выстрелов бросилась в камыши, поплавала там, поплавала — видит, что там убитой утки нет, — и вернулась к охотникам.

Зарядили ружья. Пошли дальше. Теперь учитель впереди.

Вылетает из камышей большая утка — кряква. Учитель — ббах! Дядя Петя — бах! бах! Утка только ходу наддала и скрылась с глаз.

— Кхм... кхм... — откашлялся учитель. — Верно, помирать полетела...

Дядя Петя промолчал, а Латка в этот раз даже не полезла в воду.

Зарядили ружья, пошли дальше.

Но сколько ни вылетало из камышей уток, сколько ни бабахали учитель и дядя Петя, птицы улетали целёхоньки. И каждый раз охотники находили причину, почему дичь не падает. А Таня шла за ними и улыбалась: радовалась, что утки спасались от выстрелов живы и здоровы.

Наконец охотники устали и присели отдохнуть.

ДОБЫТЧИК

Таня отошла от них в сторонку, выбрала местечко, где камыши отошли от берега, и стала купаться. А Латка плавала с ней, плавала и заплыла в камыши.

Только вылезла Таня из воды — плывёт из камышей Латка и держит в зубах... утку. Вылезла — и подает Тане в руки.

Таня смотрит: утка живёхонька! Сама хоть большая, а крылья ещё не отросли — летать не может. Шлёпунцами таких зовут, потому что они как кинутся удирать, так крыльями по воде шлёп-шлёп-шлёп, а подняться на воздух — никак! Вот Латка в камышах его и поймала.

Таня крикнула дядю Петю. А Латка уж второго шлёпунца тащит.

Пока охотники «ох» да «ах», шесть утят перетаскала — целый выводок!

— Ох, и пристыдила нас собачонка! — говорит дядя Петя. — Стреляли мы, стреляли — ни одной утки на обед не взяли. А Латка сплавала — полдюжины обедов принесла. Да без выстрела. Вот это так добытчик!

Таня спрашивает:

— Какие такие «обеды»? Не дам шлё-

пунцев убивать! Мои шлёпунцы: мне их Латка принесла! Пускай у меня живут!

Охотники видят — делать нечего. Таня права: её утки. Положили всех в мешок, потащили домой.

Ох, и смеху было над охотниками в деревне!..

— Ваша дробь, — говорят, — только живит дичь!

Ну, да охотнички и сами над собой посмеялись с другими.

— Сами видим: не годимся в стрелки. Мы и ружья решили продать. Пускай Латка одна за нас на охоту ходит: у неё это лучше получается!

А Таня так всех утят и выкормила.

Осенью, когда дикие утки собрались в отлёт, им подрезали отросшие крылья, и они остались зимовать в курятнике. Таня их вволю кормила, и они очень привязались к доброй девочке. Услышат её голос издали и — квяк! квяк! квяк! — ковыляют к ней навстречу все шестеро, одна за другой, гуськом.

В ЛЕСУ

Школьники готовились к празднику — к 7 ноября. Украшали зелёными ветками свои классы и задержались в школе до поздних сумерек.

Кто близко живёт, тем ничего. А Тане с соседскими Колей и Толей, второклассниками, три километра домой итти, да лесом, да полями. А в лесу дорога чёрная-чёрная — размыло дождями.

Мальчики говорят:

— Мы лучше не пойдём, подождём, пока лошадь пришлют. Дороги нисколько не видать. Боязно итти.

Ну, Таня — та смелая! Когда с ней Латка, ничего не боится. А Латка от Тани никуда, и в школу вместе ходят; пока Таня в классе, Латка на дворе играет.

Таня и говорит мальчикам:

— Эх вы, трусишки! Да ведь моя Латка впереди нас побежит, нам дорогу указывать будет. Уж не собьётся с пути: она дорогу носом видит.

Уговорила мальчишек.

Вошли они в лес — совсем темно, дороги в потёмках не видно.

Дороги не видно, а Латка впереди бежит, Латку ребятам видно: мелькает впереди белая Латкина спина. Белое на чёрном даже в потёмках видно.

Шли так ребята, шли, — ночью дорога куда дольше кажется. И вдруг повалил снег! Первый в году снег, а густой-густой, крупными хлопьями, всё кругом закрыл.

И Латка вдруг затявкала, затявкала и умчалась куда-то прочь. Верно, заяц на дорогу вышел, — зайца погнала.

Прошли ребята немного вперёд, чувствуют — под ногами у них неутоптанная земля. Ещё чуть-чуть прошли — на кусты стали натыкаться, на деревья... Дорога совсем куда-то потерялась.

Пошли ребята назад, — как им казалось, только что шли. Нет дороги! Взяли вправо — нет дороги, чаща. Повернули налево, шли, шли — лес будто реже, верхушки деревьев стали видны, а дороги всё равно нет. Остановились ребята: поняли, что заблудились.

Мальчишки посопели-посопели — и в рёв!

Тане хуже всех: ведь это она уговорила маленьких Колю и Толю не дожидаться лошади, самим домой итти. Теперь и поедут за ними, не найдут в лесу, раз уж с дороги сбились. И Тане одной отвечать.

ШАГИ

Таня усадила мальчиков под шатёр большой ели; даже в темноте разобрала, что это ель: здорово колется... И стала Латку кликать.

А Коля и Толя в голос ревут:

— Пропали наши головушки! Мы с холоду замёрзнем, нас волки или медведи съедят...

— Цыц, вы! — Таня на них. — Никаких тут волков и медведей сто лет нет, всех повывели!

А самой как раз и вспомнилось: вчера только мать рассказывала, что объявился в лесу за озером медведь. Тёлку задрал. Долго ли ему сюда перебежать?! И ух как страшно самой стало! Хотела ещё Латку кликнуть — голос перехватило: а ну, как вместо Латки да медведь услышит?..

Мальчики замолчали, только всхлипывают. Слышно в тишине: мягко так падают холодные пушинки на землю, на ветки.

И вдруг послышалось Тане: шум какой-то издали. Ближе, ближе... Будто баба-яга — костяная нога идёт по дороге, клюкой постукивает.

Ближе, ближе... Цок-цук! цок-цук!

Мальчики всхлипывают, ничего не слышат. А у Тани прямо сердце зашлось от страха. Хоть бы Латку сюда: она бы носом разобрала, что там.

НА ПОИСКИ

Между тем в деревне уже хватились Тани и мальчиков: уж ночь, снег повалил, а ребят всё нет из школы!

Колхозники живо запрягли лошадь, и Танина мать поехала в школу: думала, ребята ещё там.

Въехала в лес. Стучат лошадиные подковы по мёрзлой земле, дорога снегом покрыта, видна в темноте.

Доехала быстро. Но школа оказалась закрыта, а сторожиха сказала, что Таня с обоими мальчиками ушла домой ещё в сумерки.

«Не иначе, как с дороги сбились, в лесу плутают, — догадалась мать. — Замёрзнут малыши!»

И погнала лошадь назад: живей народ собирать — да в лес!

ЛАТКА

...Таня слушала, замерев от страха.

Но стук копыт бабы-яги — костяной ноги вдруг стал отдаляться, отдаляться и затих вдали. Страх отпустил Таню.

И вдруг что-то холодное, мокрое ткнулось Тане в руки: собачий нос!

— Латка! Латочка! — прошептала Таня. — Собачушка моя!..

И к Тане в один миг вернулась вся её смелость.

— А ну, ребятишки, побежали! — весело скомандовала она мальчикам. — Латка нас живо выведет!

И правда: они прошли совсем немножко по всё редеющему лесу и вышли в поле. Тут было гораздо светлее. К тому же и снег вдруг перестал падать. На белом хорошо были видны чёрные «заплатки» на спине у бежавшей впереди Латки: чёрное на белом даже в потёмках видно!

Прямиком через поле и добежала Таня с мальчиками до своего дома. Утки услыхали её из курятника и громко закрякали: «Квяк! квяк! квяк!..» А из-за угла улицы раздалось вдруг: цок-цук! цок-цук! цок!.. — будто баба-яга — костяная нога идёт, по мёрзлой земле клюкой постукивает.

— Тпру-у! — крикнула мать. — Никак ты, Танюшка?

— Я, я — и с мальчиками! Нас Латка довела!

Ну как узнали про всё это ребятишки, сразу зауважали Латку — собачку испанской породы, коротконожку, уши до полу, хвост культяпочкой, сама белая, а по спине и над глазом — чёрное пятно, как заплатка.

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Радуга

В. ХОМЯЧЕНКОВ

Дождь прошёл,
И на луга,
Нарядившись ярко,
Встала
Радуга-дуга,

Как у клуба
Арка.
— Не хватает лишь
Плаката, —
Говорят о ней
Ребята.

В нашем дворе

И. ПОЛЯНСКАЯ

Вот кончается апрель.
Праздник у порога.
К Первомаю во дворе
Дел весёлых много.

Все скамейки с мест ушли:
Все скамейки красятся.
Не отходят малыши,
Смотрит первоклассница.

Мастер кистью проведёт, –
Краска ярче листьев!
Ходят следом взад-вперёд
Десять глаз за кистью.

На обложке рис. А. Ермолаева „У памятника Богдану Хмельницкому в г. Киеве".

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцатый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А01472 Подп. к печ. 1/IV 1954 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 600 000 экз. Заказ 425

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

Лариса Матвеева, 7 лет. Рисунок к стихотворению Н. А. Некрасова «Мужичок с ноготок».

Рисунок Тани Рязанцевой, 7 лет.

Марина Ильичёва, 9 лет. Рисунок к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Рисунок Коли Куликова, 4 года.